

**МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ В
БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В СЕРЕДИНЕ 80-Х ГГ. XX – XXI ВВ**

Елена Мелешко
Гродно, Беларусь

В статье рассматривается процесс смены методологических подходов к изучению истории нового времени в середине 80-х гг. XX – XXI вв., определяются факторы, обусловившие процесс и его итоги.

Ключевые слова: методология, историография, концепция, новое время

Новая история – это период всемирной истории, с одной стороны, аккумулировавший наследие всех предшествующих эпох человеческой истории, а с другой – задавший те тренды развития человечества, которые определяют современную жизнь человечества. Пытаясь доказать правильность понимания современности, историография выстраивает соответствующий вектор истории от нового времени, и та или иная его трактовка позволяет определённым образом легитимизировать историю новейшую. Отсюда – повышенный интерес к этому историческому периоду не только со стороны профессионального исторического сообщества, но и социума в целом.

В советской историографии новое время было «привязано» к революциям, по ним оно делилось на внутренние периоды. В марксистской исторической литературе подчеркивалось, что изучение истории нового времени помогает воспитанию в коммунистическом духе, глубокому освоению закономерностей исторического развития, и, в том числе, загнивания капитализма [1].

В советский период проблематика нового времени зарубежной истории в меньшей степени изучалась отечественными историками в сравнении с другими периодами всеобщей истории. Ведущие центры советской новостистики находились в Москве и Ленинграде, где были сконцентрированы научные кадры, работавшие с иностранными источниками, прошедшие специальную языковую и зарубежную подготовку, определившие концептуальное содержание советского понимания истории нового времени.

На протяжении господства марксистской методологии содержание изданий мало чем отличалось концептуально. Исторический процесс рассматривался сквозь призму формационного подхода. Авторы настаивали на теории прогрессивного развития общества – от низших ступеней к высшим. Важнейшей категорией прогресса признавался рост производительных сил общества. Таким образом, капиталистическая формация, с одной стороны, трактовалась как закономерный шаг вперед по сравнению с формациями феодальной и рабовладельческой, с другой стороны, она, в концепции историков-марксистов, должна была непременно погибнуть и расчистить дорогу формации социализма и коммунизма [2].

Вторым основополагающим принципом советских исследований по истории нового времени стал принцип классового подхода. Важнейшими категориями социальной истории нового времени являлись классы буржуазии и пролетариата. Критерием отнесения личности к тому или иному классу являлась собственность на средства производства. Имевшие капиталы, землю и орудия труда собственники признавались классом угнетателей, а не имевшие их – классом угнетенных.

Сословия крестьян, фермеров, феодалов, рабовладельцев, интеллигенции, существующие в период нового времени, либо не оценивались советской наукой как полноправные участники исторического процесса, либо теоретически присоединялись к одному из классов-гегемонов в качестве сочувствующих. Таким образом, наблюдалось искусственное обобщение участников исторического процесса и подтягивание исторических фактов к имеющимся теоретическим формулам. Всякое историческое событие получало положительную или отрицательную оценку в зависимости от того, в интересах какого класса реализовывались его итоги.

Основным содержанием истории нового времени являлся генезис капитализма. Капитализм рассматривался как общественный строй, основанный на эксплуатации буржуазией труда пролетариата. Развитие капитализма в представлении советской историографии должно было отражать его внутренние противоречия. Главным доказательством противоречий капиталистического развития стали буржуазные революции.

Буржуазные революции описывались как удар народных масс (крестьян, ремесленников и рабочих), пока еще не совсем сознательных и политически организованных, и, поэтому, возглавляемых буржуазией, по разлагающемуся феодализму. Видимо, для оправдания своего прогрессивного значения, буржуазные революции в советских исследованиях по

новой истории получили название «буржуазно-демократических», поскольку оценивались как «добившиеся временного осуществления своих требований». Но, считали историки-новоисты, требования народных масс буржуазия до конца не выполняла, поэтому революции в большей степени признавались незавершенными. Буржуазия, с точки зрения данной концепции, использовала победу революции для своего обогащения и жестокой эксплуатации рабочих.

Большое внимание в исторической литературе уделялось вопросам коммунистической теории и рабочего движения. Авторы убеждали, что «жизненная сила марксизма заключается в том, что он не только правильно объясняет развитие общества, но и указывает пути его социального переустройства... Марксизм выражает коренные интересы пролетариата, отображает наиболее передовые интересы всего общественного развития». Исследователи доказывали, что марксизм как учение «наиболее широко распространено, усиливается и развивается, а неисчислимые попытки буржуазных идеологов опровергнуть его заканчиваются неизменным провалом».

Обретение Беларусью статуса суверенной независимой державы поставило историков перед необходимостью решения сложных и ответственных задач в области исторической науки и образования. Обновление коснулось лекционных курсов, тематики курсовых, дипломных и диссертационных работ.

Конец 80-х – начало 90-х гг. XX века стал для отечественной исторической науки «эпохой перемен». Их фоном явились происходившие в этот период многочисленные «повороты» в мировом социогуманитарном знании, которые вскоре начали оказывать влияние и на белорусскую историографию. Одновременно на эти процессы, обусловленные саморазвитием науки, наложились процессы, связанные с системным кризисом постсоветского общества. Радикальный слом базисных основ практически всех сфер общественной жизни создал крайне сложную ситуацию в отечественной гуманитарной науке.

Белорусские историки оказались в ином методологическом пространстве, в котором параллельно сосуществуют самые разные стратегии освоения прошлого. Резко отрицательно стали восприниматься те времена, когда наука развивалась по принципу «одна методология – она же идеология». Поэтому не случайно в первой половине 90-х гг. XX века в ученой среде началось резкое отрицание марксизма как возможной методологии

познания [3].

На смену методологической парадигме в историографию всеобщей истории возвращался позитивизм, который стал для многих исследователей осознанным, часто демонстративным методологическим выбором. Новые подходы в изучении истории нового времени ещё только нарабатывались отечественной историографией.

Плюралистичным стало отношение к периодизации исторического процесса. Традиционный отсчет истории нового времени велся от момента начала Английской революции – даты созыва Долгого парламента – 13 ноября 1640 года. Однако все популярнее в учебной и научной литературе становится подход, открывающий период истории нового времени Великими географическими открытиями, точнее 12 октября 1492 года – днем открытия Колумбом острова Сан-Сальвадор. Предлагались также в качестве рубежных дат падение Константинополя в 1453 году и начало лютеранской Реформации в 1517 году [4].

Такая же вариативность сложилась и в отношении окончания периода. Традиционной датой его завершения стало окончание Первой мировой войны, а точнее – 11 ноября 1918 года – дата подписания Компьенского перемирия. Однако в конце 90-х годов XX века на белорусском читательском рынке появились российские учебники, которые доводили историю нового времени до начала Первой мировой войны и даже до начала XX века. Ряд авторов предъявлял требования установить отдельные рамки периода для регионов – стран Азии, Африки и Латинской Америки, где генезис капиталистических процессов проходил позже, и, соответственно, время до начала активной европейской колонизации подпадало под периодизацию средневековья. Сторонники той или иной парадигмы обосновывали свое видение периодизации критериями сущностных различий в технологической, ментальной, социальной эволюции цивилизации [5; 6].

Относительно внутреннего членения истории нового времени также обнаружился разброс мнений. В ее временном пространстве, как правило, выделяют два периода – раннее новое время и позднее новое время. Гранью между ними предлагалось считать Парижскую коммуну, начало Великой французской буржуазной революции, установление Венской системы международных отношений и даже механическое выделение XIX века в самостоятельный период.

Появились различные взгляды и в отношении географических границ предмета изучения истории нового времени. Согласно устоявшейся

точке зрения идеальным типом капиталистического общества периода нового времени являлась Западная Европа вместе с ее дочерней производной – Соединенными Штатами Америки. Изучение других регионов шло по принципу сравнения с достижениями европейской цивилизации. Последователи данного подхода в новых условиях приоритета цивилизационной теории писали о существовании единой западной цивилизации, объединяющей локальные западно-европейскую и североамериканскую. Их оппоненты предлагали подходить к изучению различных регионов с точки зрения их культурно-исторической уникальности и неповторимости.

Коренным образом изменилась методологическая основа – на смену формационному подходу пришел цивилизационный. Понятие «цивилизация» стало основой концептуального рассмотрения исторического процесса, и исследователи трактовали его как «культурно-историческую общность, обладающую относительным единством духовной, общественно-политической и хозяйственной жизни».

Параллельный процесс купирования материала проходил в отношении идеологического спектра. Из научной литературы были изъяты параграфы и пункты, посвященные истории рабочего и социалистического движения. В текстах было представлено равновесное отношение авторов к различным политическим доктринам и идеологиям – социализму, прудонизму, анархизму, реформизму, синдикализму. Исчезли ссылки на труды классиков марксизма, идеологические термины и понятия, насыщавшие советскую литературу, как то: агент, классовая борьба, оппортунизм, угнетатели, политическая зрелость и т.д.

Исследователи по новому осмыслили содержание всемирно-исторического процесса, дали нравственную оценку многим историческим фактам и событиям. За привлекательным фасадом европейской цивилизации были показаны отрицательные черты и тенденции, которые привели к разрушительной войне начала XX века. История России стала неотъемлемой частью всемирной истории [7].

Таким образом, исследования по истории нового времени зарубежных стран стали объективным отражением смены методологических парадигм в изучении истории нового времени в отечественной историографии, создали предпосылки для дальнейшего включения белорусской исторической науки в мировое пространство. В рамках рассматриваемого периода отечественные историки получили отсутствовавшие ранее возможности

для тесных контактов и связей с зарубежными коллегами на уровне научных конференций, осуществления совместных исследовательских проектов, участия в международных научных исторических сообществах. Одно из, безусловно, позитивных следствий данного процесса – появление переводов исследований, представляющих национальные историографии, традиционно находящиеся в поле зрения отечественных историков – английской, американской, французской, германской. Большую роль в этом процессе взаимопознания белорусских и зарубежных исследователей сыграли российские периодические издания.

В настоящее время в исторической науке всё сильнее утверждается тенденция к возвращению на историческую авансцену человеческой личности. Отметим, что это процесс закономерный, так как основное содержание истории не может быть полным без присутствия в ней человека с его потребностями и интересами, мыслями и религиозными представлениями, особенностями личной и общественной жизни. Главное внимание уделяется характеристике выдающихся личностей эпохи нового времени, той исторической обстановке, в которой они жили и творили.

На сегодняшний день методологическая основа изучения истории нового времени в белорусской исторической науке включает в себя ряд важнейших принципов: принцип научного историзма – определяющее условие объективного анализа общечеловеческого и национального прогресса; принцип плюралистичности – важнейшее условие анализа альтернативных точек зрения по спорным историческим проблемам; принцип ценностного подхода – гуманистическая составляющая научной деятельности.

В целом, во второй половине 90-х гг. XX – начале XXI вв. отмечается значительное снижение количества публикаций по истории нового времени. Связано это с уменьшением публикаций по истории Октябрьской революции в России и истории социалистической и коммунистических партий и движений в дореволюционный период в зарубежных странах, так как эти проблемы потеряли свою актуальность в постсоветский период.

Начинается апробация новых тем и вопросов, не рассматриваемых ранее отечественной историографией. Этому способствовал ряд проведенных конференций, республиканского и международного уровня, посвященных актуальным проблемам зарубежной истории. Появились публикации, основанные на новых методологических подходах, посвя-

щенные гендерной истории, истории повседневности, истории ментальностей.

В рамках рассматриваемого периода отечественные историки получили отсутствовавшие ранее возможности для тесных контактов и связей с зарубежными коллегами на уровне научных конференций, осуществления совместных исследовательских проектов, участия в международных научных исторических сообществах. Одно из, безусловно, позитивных следствий данного процесса – появление переводов исследований, представляющих национальные историографии, традиционно находящиеся в поле зрения отечественных историков – английской, американской, французской, германской. Большую роль в этом процессе взаимопознания белорусских и зарубежных исследователей сыграли российские периодические издания.

Все эти явления обозначили приметы развития белорусской историографии истории нового времени второй половины 90-х гг. XX – начала XXI веков.

1. Новая гісторыя, 1640–1870 : падручнік для 8 кл. сярэд. школы / А.Л. Нарачніцкі, А.П. Авар’янаў, А.У. Яфімаў, Л.Я. Кертман; Пад рэд. А.Л. Нарачніцкага. – Мн.: Народная асвета, 1987. – 286 с.
2. Новая история. Часть 2 : учебник для 9 кл. средней школы; под ред. акад. В.М. Хвостова. – М. : Просвещение, 1983. – 224 с.
3. Айчынная і сусветная гісторыя: сучасныя погляды і метады даследаванняў : зб. навук. пр.: У 2 ч. / Бел.дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; Рэдкал.: А.М. Люты (гал. Рэд.) і інш. – Мн. : БДПУ, 2000. – 145 с.
4. Всемирная история: в 24 т. / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек. – Возрождение и Реформация Европы. – Мн. : Литература, 1996. – Т. 10–19.
5. Всемирная история нового времени: XVI–XVIII вв. : учеб. для 7-го кл. общеобразов. шк. / В.С. Кошелев і інш. – Мн. : Народная асвета, 1998. – 367 с.
6. Всемирная история нового времени: XIX – нач. XX в. : учеб. для 8-го кл. общеобразов. шк. / В.С. Кошелев і інш. – Мн., Народная асвета, 1998. – 366 с.
7. Чикалов, Р.А. Западная Европа и Соединенные Штаты Америки (1815–1918 годы) : учеб. пособие / Р.А. Чикалов, И.Р. Чикалова. – Мн. : Тесей, 2000. – 504 с.